

170 FEB 1978

— СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

люди искусства

НУЖНЕЕ ХЛЕБА

Юрий АЛЯНСКИЙ

Это случилось в палате госпиталя. Танкисту Дымокурову передали записку от любимой девушки. Она нашла его и писала, что придет. Дымокуров умолял друзей не пускать Шуру, придумать любой предлог, только не пускать. У него обожжено лицо, оно в грубых шрамах. Человека с таким лицом она любить не сможет.

Друзья предложили погасить в палате свет: тогда Шура ничего не разглядит, а завтра она уезжает...

И произошла эта встреча в темноте. Но Шура все поняла, зажгла свет и осталась верна своему чувству.

Двадцать четыре минуты радиоповествование объединяло в едином и сильном чувстве жителей и защитников осажденного Ленинграда. Посыпались письма: расскажите еще раз историю этой любви! Пожалуйста!

Передача повторялась снова и снова. В блокадном эфире рассказ Федора Кнорре «Встреча в темноте» читала артистка радиокомитета Мария Петрова. И, может быть, почти так же, как взволновало тогда миллионы людей по всей стране и по всем фронтам стихотворение Симонова «Жди меня», звучала в блокадном кольце «Встреча в темноте». Даже в осажденном голодном Ленинграде нужнее хлеба оказалась верность любимых.

...Когда Г. Петров, коренной путиловец, узнал, что младшая дочь Маша собирается стать «певичкой» — так называл он актрис, — возмутился. Дочь должна быть верна семейной традиции, работать на Путиловском. Но Маша все-таки поступила в театральный институт. А через три года, решив победить глухое сопротивление отца, уговорила его прийти на курсовой спектакль. И победила. Вечером дома отец сказал:

— Прости, дочка, ты, пожалуй, права. Учись.

На сцене — в Тюзе и агиттеатре — Маша Петрова работала недолго. С 1934 года она стала артисткой радиокомитета и осталась здесь навсегда.

На радио роли оказались совсем иными, чем в инстутской мастерской Л. Вивьена. «Прощай, маленькая птичка! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела...» — говорила Дюймовочка, и тысячи черных бумажных тарелок-репродукторов разносили девичий голос Петровой по всему Ленинграду. Маугли разговаривал с Багрой. «Он говорит, что я — это кукла», — огорчалась Суок. А шакал из сказки К. Чуковского сообщал доктору Айболиту адрес заболевших пациентов...

Молодые красивые актрисы театра и кино часто получают от юных мечтателей письма с вопросом: «Как стать артисткой?» Петрова получала другую почту: «Ленинград, радио, доктору Айболиту»... Никто не знал, молода ли артистка, красива или нет, да и существует ли в действительности. Знали удивительный голос. Один октябренек не выдержал, написал на радио: «Мой друг говорит, что никакой Петровой нет. Неужели правда? Может, вы все-таки есть?..» Взрослые, напротив, точно знали, что она есть. Звонили ей по телефону, она снимала трубку, и ей говорили: «Мальчик, позови Марию Григорьевну!»

Она существовала в тесных стенах радиостудии, в бескрайнем мире героев книг для детей и в детской фантазии. И стала одной из тех, кто создавал наше художественное вещание для детей и юношества.

22 июня 1941 года слушатели Петровой повзрослели. Большинство детей было эвакуировано из Ленинграда. Но некоторые по различным

причинам остались. Однажды Петрова приехала на Охту, в детский сад. Отсюда решили вести передачу.

Артистку встретила изможденная воспитательница и группа маленьких старичков, серьезных и тихих. Они шли друг за дружкой, держались за руки и слабыми голосами пели бодрую военную песню. Петрова силась сдержаться и не смогла — расплакалась. А микрофоны были включены.

— Почему это тетенька плачет? — спросила маленькая девочка у воспитательницы. Та что-то сбивчиво объяснила. Все это шло в эфир. И блокадный Ленинград слышал рыдание артистки, спокойный голос маленькой девочки из прочитанного потом для нее «Мойдодыра». Ленинград ответил Петровой сотнями писем. Учительница Андрианова писала: «Спасибо вам, что вы говорите с нами, что вы не уехали, — это так важно, бесконечно важно, что мы слышим ваш голос, знакомый нам по мирным дням!»

Когда «Правда» в дни войны полностью напечатала новую пьесу К. Симонова «Русские люди», было решено поставить по ней радиоспектакль. Этот спектакль, перенесенный вскоре на сцену, послужил началом создания в 1942 году в Ленинграде Городского театра. Петрова играла центральную роль разведчицы Вали.

На одном из первых представлений спектакля и произошел известный драматический эпизод, вошедший в историю искусства осажденного города. Шла сцена между Вали и капитаном Сафоновым. Перед уходом в опасную разведку девушка говорила о Родине. И вдруг где-то рядом, за стеной театра, на улице, разорвался дальноточный снаряд. Погас свет. Петрова остановилась на полуслове. И она, и артист Матвей Павликов, игравший Сафонова, знали: во время обстрела публика должна спуститься в бомбоубежище.

И вдруг в зале вспыхнул огонек. Он горел слабо, еле заметно. Но вскоре рядом с ним зажглись другие огоньки — и сцена озарилась голубоватым светом. Зрители направляли лучи своих карманных фонариков на Валию и Сафонова, чтобы «Русские люди» продолжали сражаться. «Так, до конца спектакля, до конца фонарики солдатские светили...», — писал тогда поэт Петр Ойфа.

Артистка читала по радио сводки Информбюро, Пушкина, Горького, Чехова, Станюковича, Чуковского. И в самый канун Дня Победы прочла подросткам рассказ Кассиля «Держись, капитан!».

Давно кончилась война, но «микрофонная вахта» артистки продолжается. Нет, не тускнеет ее звонкий мальчишеский голос, и, слушая его, новое поколение ленинградцев учится различать добро и зло. Время, опыт, талант привели Петрову к исполнению значительных произведений советской и мировой литературы. Недавно в радиоэфире прозвучали четыре большие передачи по роману «Война и мир» — главы романа читала Мария Григорьевна. Стала она и режиссером множества передач для детей.

Заслуженная артистка республики Мария Григорьевна Петрова и сейчас по утрам приходит в свой Дом радио, где сорок лет назад она, комсомолка ленинского призыва, вступила в партию, где стала властительницей дум нескольких поколений юных ленинградцев.

ЛЕНИНГРАД.

● Актриса М. Петрова.

ФОТО А. СТЕЛЬМАХА